

- Слышала, вы закончили новую повесть с довольно таинственным названием. Нельзя ли об этом немного подробнее...

- Переходить на чистую прозу после препарирования документальных впечатлений - самоубийство, вдруг вынырнуть в сегодняшнюю действительность, где жизнь самодостаточна и нет возможности сосредоточиться, остаться наедине с собой...

Повесть я писала, правильное сказать, муржила три года, возвращалась к ней, абсолютно все было разорвано в моей голове, поскольку я перескочила на художественно-документальную книгу "Американки", потом вышло второе, дополненное издание "с плюсом". Эти женщины, с которыми мне довелось встречаться, конечно, вытеснили придуманные образы. И честно скажу, я просто соскучилась по нашей реальности, какой бы она ни была.

- А название повести?

- "Исчезновение Муски, или Смена вех". Подробнее не хочу говорить, поскольку суверена. Просто скажу, что в ней какой-то срез двух времен, сознание молодой девчонки и персонажей, скажем, другого поколения. В ней элементы детектива, какие-то кризисные моменты в жизни героев, которые они не осознают. Иногда за человека выбирает человеческая натура, иногда - обстоятельства, иногда это просто слабое существо.

- Как вы ощущаете себя со своей устоявшейся системой ценностей, в окружении, которое так быстро и активно меняется?

- Я все же среди тех, кто считает, что нам повезло, что мы дождались этой возможности, этой свободы. Хотя невозможно предугадать, какова будет цена. Те, кто спокойно вписывался в прежнюю жизнь, и жил благополучно, и общество думало за него, и жизнь была срежиссированна надолго, - те очень болезненно ощущают эту ломку привычного, вторжение в незнакомое пространство, как въезд в иностранную зону. Они не понимают, что делать с собой и как делать. По существу мы все, оказавшиеся

иностранцами в своей стране, учимся ходить заново. Моя биография была другой.

- Что стоило бы запомнить?

- Я вам скажу, какой-то есть парадокс в моей жизни: внешне я жила как бы почти благополучной жизнью. Долго жили родители, я единственная дочь, всегда была с ними. Ко мне славяно относились муж, сын, окружающие. Не было особой материальной

«Нет человека, который ничего не умеет»

Беседа с писательницей Зоей БОГУСЛАВСКОЙ

нужды (хотя красивые щи и хлеб в течение целой зимы бывали). Тяжелее было, когда Хрущев кричал на Вознесенского и изгонял его из страны, были изданы книги, запрещены новые публикации. Вот, казалось бы, внешний рисунок.

- Внешний рисунок не всегда определяет сущность жизни.

- Да, не только во внешнем рисунке дело. Очевидно, дело в болевой сопричастности. Умею проводить через себя, сопереживать совершенно ненужные мне события, что только мешает. Никогда не умела смириться с несправедливостью. Мне говорят: "Что ты дергаешься, так оно и должно было быть!" Выпрыгиваю из машины, когда вижу, что кого-то избивают, меня останавливают: "Куда ты лезешь? Тебе сейчас дадут по башке!", а теперь говорят: "Заработаешь пулю". Но я не слушаю, в этот момент я не осознаю, что делаю, я должна открыть дверцу, выпрыгнуть и вмешаться. Поэтому внутреннее неблагополучие бывало часто, а восприятие жизни все равно радостное.

- Слышала, с вами случалось много любопытных историй.

- Да, приключались самые необыкновенные вещи. В меня стреляли, я находила и выигрывала (и отдавала) большие суммы денег. Еще бывало много мистификаций, несурзностей. При всем этом я - человек патриархального склада, семейный, люблю, чтобы все было в порядке. И вместе с тем во мне живет



дурацкое нетерпение, желание риска, тяга к новому, чего еще не бывало в жизни.

- Для таких творчески инициативных людей, как вы, сегодняшний мир, может быть, дает какие-то новые возможности...

- Мне кажется, что это время, когда, если чело-

век что-то хочет делать, он может очень многое, (конечно, я не имею в виду стариков, инвалидов или людей из зон наших бедствий, горячих точек), речь об обычных здоровых людях. Не понимаю взрослых, которые говорят: "Мне перекрыли весь кислород. Я ничего не могу". Отвечаю: "Этого не может быть. Ты просто не ищешь выхода, помоги хотя бы, кому еще хуже". Ну пойдешь на свой огородный участок, вырастивай салат, если тебе не хочется разводить кур - разводи цветы (одна роза стоит пять тысяч). Собери кружок, обучай языку, прогуливай по двору детей, учи плавать, шить. Но ты же не хочешь этого делать, тебе неудобно, надо рано вставать, сколько забот. Тогда так и скажи. Нет человека, который ничего не знает, ничего не умеет.

Ведь совсем не обязательно открывать свое предприятие или пробиваться в депутаты.

Ну почему наши, приезжая на "другие берега", за рубежом, работают на бензоколонке, няней, уборщицей, пока не осваивают что-то новое, что там ценится? Почему здесь люди не хотят признать, что они в новой, но своей стране? Бесполезно говорить: дайте нам ту жизнь, к которой мы привыкли, - ее больше не будет. Для меня одна из самых главных ценностей - внутренняя свобода. За право поступать, думать и делать по-своему я очень многим в этой жизни готова пожертвовать.

- А каково, на ваш взгляд сейчас женщине?

- Считаю, что должно быть равенство возможностей, стартовых позиций. Женщины на всех средних уровнях выигрывают, они многое умеют лучше делать, способны к контакту, они и по телефону-то лучше находят общий язык, чем мужчины. Но на всех ассамблеях, конгрессах - женщин единицы. Опять незабвенное: собака - лучший друг человека. Но кроме дискриминации существует и наша "самодискриминация". Крупный менеджер мне рассказывал, что открыл большой магазин. Спросила, что больше всего мешает. Он ответил: "Текучесть кадров". Почему? Вы же платите большую зарплату! Он пожимает плечами. "Ко мне приходит девушка и говорит: "Лучше я буду нищенскую зарплату получать, но этим идиотам спасибо говорить не буду".

Женщина может и хочет больше, чем ей отпущено судьбой. Если все их маленькие инициативы соберутся вместе, образуется некая капиллярная система, которая могла бы подпитывать больные зоны нашей жизни. Эти сосудики будут толкать кровь дальше.

- Зоя Борисовна, несколько слов о "Триумфе".

- "Триумф" - это аналог Нобелевской премии в России, первая независимая награда за все высшие достижения во всех видах культуры. Это как бы попытка зафиксировать всеобщее признание.

Лариса ВИННИК
Фото Вадима Крохина